

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Е. П. БРАНДИС

ЖЮЛЬ ВЕРН

**И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА**

ЛЕНИНГРАД • 1955

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Е. П. БРАНДИС

ЖЮЛЬ ВЕРН
И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА

ЛЕНИНГРАД
1955

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Наука и фантазия	3
Автор «Необыкновенных путешествий»	10
Научно-фантастические и географические романы	14
Образ положительного героя	20
Поздние романы	28
О путях развития и состоянии научной фантастики после Жюль Верна	33

На обложке: Жюль Верн в возрасте 66 лет (с карандашного рисунка)

Редактор: кандидат филологических наук *А. С. Ромм*

М-41960.

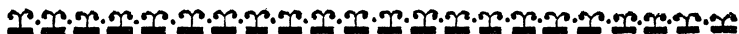
Подписано к печати 13/VII 1955 г.

Тираж 56000

Заказ № 136.

Объем 2³/₄ п. л.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография „Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

НАУКА И ФАНТАЗИЯ

Творческое воображение — неотъемлемое свойство мышления. Создавая в воображении новые образы на основе переработки прошлых восприятий, человек задумывает или выражает желаемое. Воображение, фантазия, мечта неразрывно связаны с созидательным трудом и сопровождают человечество на всем пути его исторического развития.

Умение мечтать и не отрывать мечты от жизни — ценное качество каждого по-настоящему творческого работника.

В. И. Ленин всегда подчеркивал положительную роль творческой фантазии, помогающей человеку вдохновенно трудиться, видеть в воображении начатое дело уже завершенным. При этом Ленин отличал мечту полезную, дающую толчок к работе, от праздной мечтательности, вредной «маниловщины», уводящей в сторону от жизни.

В книге «Что делать?» Ленин для подтверждения этой мысли приводит выдержку из статьи Д. И. Писарева «Промахи незрелой мысли»: «Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно».¹

Имея в виду именно такую, творческую фантазию, Ленин сказал на XI съезде партии: «Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 476.

только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»¹

Еще в древних мифах и волшебных сказках воплотилась вековая мечта человечества о покорении воздушной стихии, завоевании морских глубин, возможности видеть и слышать на большом расстоянии и т. п. Достаточно вспомнить миф о Дедале и Икаре, народные сказки о «ковре-самолете», «сапогах-скороходах», «серебряном блюдецке» и т. п., в которых А. М. Горький усматривал выражение желаемого, «прототип гипотезы». Нет фантазии, говорил Горький, в основе которой не лежала бы реальность.

Классовые противоречия, существующие в каждой антагонистической общественной формации, еще со времен античного рабовладельческого строя порождали утопические представления об идеальном государстве будущего. Древнегреческие мыслители и писатели — Платон, Аристофан, Лукиан и др. — каждый по-своему выразили эту мечту. На исходе средневековья — в эпоху Возрождения — появились первые коммунистические утопии Томаса Мора, Томмазо Кампанелла и других авторов, которые грезили о таком государстве, где не будет нищеты, частной собственности, угнетения человека человеком. Однако далеко не все утописты понимали, что важнейшим условием для перехода общества на высшую ступень коммунизма является достижение высокой производительности труда.

Отсутствие идеи технического прогресса характерно для многих социальных утопий начиная от Томаса Мора и вплоть до XIX в. Томас Мор, например, верил в возможность изобилия материальных благ при тех же технических средствах, считая для этого достаточным ограничить рабочий день до шести часов и уничтожить паразитизм в обществе.

На рубеже XV и XVI вв. — во времена Томаса Мора — капиталистический уклад в Англии только нарождался. Спустя столетие, когда появились утопии итальянца Томмазо Кампанеллы и англичанина Фрэнсиса Бэкона, внедрение капиталистического способа производства в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 284.

разные отрасли промышленности сопровождалось техническими усовершенствованиями и изменениями в организации производства.

Кампанелла в «Городе Солнца» (1623) и Бэкон в «Новой Атлантиде» (1627) уже выдвигают на первое место науку и технический прогресс, без которых они не мыслят идеального общественного устройства.

Обитатели коммунистического «Города Солнца» — солярии — широко применяют всякого рода изобретения и научные открытия. Они изобрели «особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма». Жители Солнечного города употребляют для сельскохозяйственных работ машины, между прочим — самоходные парусные повозки, способные двигаться против ветра. Солярии «владеют также искусством воспроизводить в комнатах всяческие атмосферные явления: ветер, дождь, грозу, радугу и т. д.»

В «Городе Солнца» Кампанеллы мы видим довольно редкий случай социальной утопии, в которой общественное переустройство на коммунистических началах осуществляется на базе научного и технического прогресса. Правда, все эти технические нововведения Кампанелла в состоянии выразить лишь в форме неясных, иногда полумистических домыслов.

В отличие от Кампанеллы, Бэкон не дает никаких планов общественного переустройства. Для Бэкона, крупного государственного деятеля и ученого, по его словам — «зеркалом служит действительное состояние вещей и время, в которое он живет». Повидимому, в основном Бэкон был удовлетворен существующим строем. Он сохраняет в «Новой Атлантиде» частную собственность, разделение общества на классы, наследственные и имущественные привилегии и т. п. Он ограничивается постановкой вопроса о перестройке производственной базы общества путем применения технических усовершенствований, изобретений, рационализации. «Новая Атлантида» — не социальная, а научно-техническая утопия. Жители острова Бенсалема достигли больших успехов в металлургии. У них имеются «различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; ...с сухим или влажным жаром» и т. п. На высоком уровне здесь находится воен-

ная промышленность. «Мы производим, — сообщает житель острова, — артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде...» Бенсалемцы обладают мощным флотом. «Есть у нас суда и лодки для плавания под водой, и такие, которые выдерживают бурю...» Бенсалемские ученые изобрели машины, позволяющие летать по воздуху, подражая полету птиц, приборы, дающие возможность видеть и слышать на большом расстоянии; нашли способы изготавливать искусственные удобрения, выводить новые сорта растений и новые породы животных и т. д. Имена изобретателей окружены в Бенсалеме всенародным почетом. Выдающимся изобретателям ставят статуи, их награждают щедрыми подарками.

Устанавливая связь между развитием промышленности и развитием науки в эпоху Возрождения, Энгельс писал, что «...вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы».¹

Гениальные прозрения Кампанеллы и Бэкона появились, разумеется, не случайно. Они отвечали назревшим техническим потребностям общества, хотя и были обращены к далекому будущему. Произведения этих двух мыслителей позволяют заключить, что в европейской литературе научно-техническая фантазия получила свое первоначальное развитие в рамках утопического романа.

Это заключение подтверждается и произведениями русских писателей. В нашей литературе есть замечательные образцы научно-утопического и социально-утопического романов.

В одном из ранних утопических романов, созданных в России — в произведении В. Ф. Одоевского «4338-й год» (1840), — технический прогресс и просвещение положены автором в основу общественного развития. В России сорок четвертого века ученые нагревают и охлаждают по мере надобности атмосферный воздух, гигантские вентиляторы изменяют направление ветров, огнедышащие сопки превращены в неостывающие горны

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах, т. II, М. Госполитиздат, 1949, стр. 93.

для обогрева Сибири, гужевой транспорт вытеснен «электроходами» и управляемыми аэростатами и т. п.

Знаменитый «Четвертый сон Веры Павловны» в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» есть выражение не только социальной, но и научно-технической фантазии. Великий революционный демократ, в отличие от подавляющего большинства представителей домарковского, утопического социализма, не мыслил себе идеального общества будущего без высокого развития науки и техники. В социалистической России, изображенной Чернышевским, созидательный труд свободных и счастливых людей облегчают замечательные машины. Металл будущего — алюминий — заменяет в обиходе дерево и камень. Природа, преобразованная человеком, щедро отдает ему свои богатства.

Все эти произведения показывают, что научно-техническая фантастика развивается вместе с социальной утопией. В отдельных утопических романах имеются элементы научной фантастики. И, с другой стороны, во многих научно-фантастических романах (с тех пор, как этот роман сформировался в качестве самостоятельного жанра) можно увидеть черты социальной утопии — представления автора о тех общественных условиях, где найдут применение наука и техника грядущих дней.

Правомерно ли считать социально-утопические романы, в которых имеются более или менее развитые элементы научно-технической фантазии, научно-фантастическими?

Разумеется, нет. Научно-фантастический роман, как особый, самостоятельный жанр литературы, появился лишь во второй половине XIX в.; но, несомненно, возникновение этого нового литературного жанра было в известной степени подготовлено многовековой историей социально-утопического романа.

Основоположником научно-фантастического жанра иногда считают, по недоразумению, американского романтика Эдгара По (1809—1849). Поэтические грезы о великом будущем науки противоречиво сочетаются в его фантастических новеллах с откровенной мистикой и мрачнейшими пророчествами о будущем человечества. Фантазии Эдгара По далеки от настоящей науки. Этот талантливый писатель способен был представить грядущие технические достижения лишь увеличенными до гигантских

размеров, но качественно неизменными по сравнению с тем, что уже имелось в его время. Например, воздухоплаватели перелетают в одной из его новелл через Тихий океан на огромном аэростате и на аэростате же, в другой новелле, совершают полет на Луну. С элементарными законами физики и механики Э. По расправляется по собственному усмотрению. Можно ли считать произведения Эдгара По научно-фантастическими? Нет, это только фантазии на научные темы, имеющие лишь внешнее сходство с научной фантастикой.

Возникновение нового литературного жанра всякий раз вызывается определенными историческими причинами, и то, что научно-фантастический роман появился на свет именно во второй половине XIX в., не является простой случайностью.

Великие технические изобретения конца XVIII и начала XIX вв. — паровая машина, паровоз, пароход, ткацкие станки и т. д. — вызвали промышленный переворот и способствовали смене форм общественной жизни.

Шестидесятые — восьмидесятые годы прошлого века, когда Жюль Верн написал свои лучшие научно-фантастические романы, были ознаменованы невиданным до тех пор подъемом научных и технических знаний, великими открытиями в биологии, физике, химии, астрономии, замечательными изобретениями, которые привели к существенным сдвигам в области материальной культуры.

Трудно перечислить даже самые выдающиеся открытия и изобретения передовых ученых XIX в. Физики Майер и Джоуль, одновременно и независимо друг от друга, сформулировали и обосновали закон сохранения и превращения энергии. Бертолле окончательно освободил химию от антинаучной теории «жизненной силы». Астроном Леверье математическим путем, как говорили тогда — «на кончике пера», предсказал существование еще неизвестной планеты Нептун и указал, где ее нужно искать. Дарвин своим учением о происхождении видов нанес сокрушительный удар религиозным воззрениям в естественных науках. Основоположник русской физиологии Сеченов раскрыл физиологическую природу психической деятельности, которая до него считалась непознаваемой. Менделеев открыл периодический закон химических элементов, составляющий фундамент современного учения о веществе.

Каждое из этих и многих других великих открытий имело неисчислимые последствия и вселяло уверенность в безграничные возможности науки. Ученые теоретики помогали двигать вперед промышленное производство и технику. Бурное развитие промышленности и торговли требовало новых источников сырья, расширения рынков сбыта, дешевых рабочих рук. Капиталистические страны разжигали кровавые колониальные войны и приобщали к своим владениям еще «неосвоенные» территории в разных частях света. В африканские джунгли и австралийские дебри снаряжались одна за другой географические экспедиции. По следам отважных путешественников продвигались миссионеры, за ними шли вооруженные до зубов войска, а вслед за войсками — купцы, плантаторы и всяческие авантюристы, любители легкой наживы. Соревнование между великими державами грозило превратиться в ожесточенную борьбу за «перedel мира».

Пафос научного исследования определяет идейные и художественные особенности романов Жюль Верна. Наука в ее прошлом, настоящем и будущем — главная тема его «Необыкновенных путешествий», единственной в своем роде эпопеи, в которой поэтическая фантазия опирается на реальные достижения точных и естественных наук.

Лучшие романы Жюль Верна, пионера научно-фантастической романтики, потому и выдержали испытание временем, что его пылкая фантазия никогда не вырожда-лась в беспочвенную фантастику и не отрывалась от породившей ее жизненной основы. Его книги неизменно привлекают своей демократической направленностью, оптимизмом, безграничной верой в могущество человеческого разума, побеждающего стихийные силы природы и ставящего ее на службу людям. «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, — говорил писатель, — все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

Генеральный секретарь французской коммунистической партии Морис Торез вспоминает в своей книге «Сын народа», какое глубокое впечатление произвели на него в детстве романы Жюль Верна: «Книга Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой» воспламенила мое воображение. Я был увлечен не столько приключениями капи-

тана Немо, сколько им самим. Я видел в нем олицетворение великого гения науки, которая преобразит мир и людей, когда будет служить народу». ¹

АВТОР «НЕОБЫКНОВЕННЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ»

Жюль Верн родился 8 февраля 1828 г. в портовом городе Нанте, в семье потомственного адвоката Пьера Верна. В 1847 г., после окончания нантского лицея, юноша отправился в Париж, держать экзамены на юридический факультет. Но уже тогда он твердо решил при первой же возможности отказаться от профессии, которую избрал для него отец, и посвятить себя литературе и театру.

В студенческие годы начинающий драматург, при содействии знаменитого романиста Александра Дюма, ставит на сцене несколько веселых водевилей и бытовых комедий. В то же время Жюль Верн испытывает непреодолимое тяготение к естественным наукам. Он неустанно расширяет свои познания, следит за новинками естественнонаучной и технической литературы, знакомится с учеными, инженерами, изобретателями, посещает научные диспуты и доклады.

В начале пятидесятых годов Жюль Верн пробует свои силы в несколько необычном жанре: он пишет рассказы с острым драматическим сюжетом, используя новейшие данные о воздухоплавании («Путешествие на воздушном шаре»), отчеты арктических экспедиций («Зимовка во льдах»), труды по истории и географии стран Латинской Америки («Первые корабли мексиканского флота», «Мартин Пац») и др.

Но от первого рассказа на научную тему до первого романа из серии «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна отделяли двенадцать долгих лет, заполненных главным образом утомительной работой ради куска насущного хлеба — сначала в небольшом театре, в должности секретаря директора, потом — в конторе биржевого маклера.

Только в 1862 г. Жюль Верн открыл свое истинное призвание. «Я напал на счастливую мысль, — сказал он друзьям, — пишу роман в совершенно новом роде, нечто очень своеобразное».

¹ М. Торез. Сын народа. М., 1950, стр. 28—29.

«Пять недель на воздушном шаре», первый роман из серии «Необыкновенных путешествий», был опубликован в начале 1863 г. и принес широкую известность уже не молодому и отнюдь не юному автору. К тому времени у Жюль Верна был почти пятнадцатилетний опыт творческой литературной работы и солидный запас научных знаний, без которых он не смог бы стать автором «Необыкновенных путешествий».

Читатели сразу же оценили литературное новаторство Жюль Верна, соединившего в своем произведении художественный вымысел с научными фактами. Его первый роман, так же как и последующие произведения, целиком отвечал интересам и запросам современников. Это легко почувствовать, если обратиться к французским газетам 1862 г., пестревшим сенсационными сообщениями об удачных полетах на аэростатах и ужасных катастрофах в воздухе. Приятель Жюль Верна, воздухоплаватель Надар, был занят сооружением огромного аэростата «Гигант». Имя Надара не сходило со столбцов газет. Новые сведения о географических открытиях английских путешественников в Африке непрерывно будоражили общественное мнение. Неутомимый Давид Ливингстон продолжал свои долголетние исследования «Черного материка». Не успел еще Ричард Бёртон открыть великие озера, как уже пронеслась новая весть: Спик и Гранту удалось дойти до таинственных истоков Нила...

Спик и Грант еще не вернулись из экспедиции, а Жюль Верн уже отправил своего отважного доктора Фергюссона в воздушный полет над Африкой на аэростате усовершенствованной конструкции. Читатели нашли в романе достоверные описания не только известных, но и необследованных тогда африканских просторов, обильные сведения по географии, физике, астрономии, воздухоплаванию, и все это самым непринужденным и естественным образом вплеталось в живую ткань приключенческого сюжета. Правдоподобность вымысла подтверждалась даже датировкой действия: герои совершили свой удивительный перелет через Африку — от Занзибара до реки Сенегал — в апреле — мае 1862 г., за несколько месяцев до того, как роман вышел в свет.

Большой успех этой книги побудил издателя Этцеля, выпустившего ее первым изданием, заключить с Жюлем Верном своеобразный договор на двадцать лет вперед:

автор брал на себя обязательство ежегодно передавать издателю два новых романа или один двухтомный. Впоследствии договор был возобновлен еще на такой же срок и оставался в силе до конца жизни писателя, небогатой внешними событиями, но целиком заполненной всепоглощающим творческим трудом.

Ежедневная работа — от зари до зари — была подчинена идеальному распорядку. Рабочий день писателя начинался в пять утра и продолжался, с перерывами, до семи-восьми вечера. В летние месяцы Жюль Верн переносил свой кабинет в каюту паровой яхты «Сен-Мишель» и курсировал на ней вдоль берегов Франции, по Средиземному морю и Атлантике. Яркие впечатления от морских поездок и путешествий по странам Европы нашли свое отражение во многих его романах. Однажды (это было в 1867 г.) писателю довелось побывать в Америке. Поездку за океан он совершил на самом большом по тем временам пароходе «Грейт-Истерн», который затем был подробно описан в романе «Плавающий город». Но меньше всего Жюль Верн мог опираться в своей работе на личные впечатления. Главным источником ему служили научные труды по разным отраслям знания, а также его собственная картотека, непрерывно пополнявшаяся сведениями о новейших научных открытиях, изобретениях, материалами по истории географических открытий и т. п. К концу жизни Жюль Верна эта изумительная картотека насчитывала более 20 000 брошюр с выписками.

Убежденный демократ и республиканец, Жюль Верн никогда не скрывал от читателей своих политических симпатий и антипатий, хотя и вынужден был приноравливаться к цензурным требованиям реакционного режима Наполеона III, душителя демократии и свободной мысли. Вместе со всеми французскими патриотами писатель ждал с нетерпением последнего часа ненавистой Второй империи.

Когда разразилась франко-прусская война, Жюль Верн предоставил свою яхту в распоряжение военных властей и вступил в отряд береговой обороны. После сданской катастрофы он вернулся в Париж и героические дни Коммуны провел в столице.

Романы Жюль Верна, написанные после Парижской Коммуны, проникнуты политической тенденциозностью: осуждение захватнических войн, пропаганды милита-

ризма, колониальных грабежей сочетается в них с утверждением демократических идей. Писатель убежден в необходимости свободного развития и мирного сосуществования равноправных народов. Его общественные идеалы часто выражаются в форме аллегорической социальной утопии, в духе идей утопического социализма («Пятьсот миллионов бегумы», «Таинственный остров», «Гектор Сервадак» и др.).

Вторую половину жизни Жюль Верн провел в Амьене, куда переехал осенью 1871 г. Тихий провинциальный город в трех часах езды от Парижа давал ему возможность без помех заниматься своим делом, не теряя в то же время связи со столицей. В Амьене он написал большую часть своих книг. Его жизнь из года в год шла своим заведенным порядком, в непрерывных трудах, перемежавшихся редкими поездками в Париж или экскурсиями на «Сен-Мишеле», которые были окончательно прекращены в 1886 г., после того как писатель случайно был ранен и тяжело заболел.

В последние годы жизни Жюль Верна поразила слепота, но он не прекратил своей творческой деятельности. Он писал на ощупь, с помощью особого транспаранта, а иногда прибегал к диктовке.

Современник революционных движений 1848—1849 гг. и Парижской Коммуны, Жюль Верн был еще жив, когда в России разразилась революция 1905 г. Он хранил верность своим демократическим принципам и в годы Второй империи, и в годы Третьей республики, «республики без республиканцев».

Во время русско-японской войны старый писатель заявил представителю печати о своем отрицательном отношении к насильственным методам разрешения международных конфликтов. «Это пролитие крови, — сказал он, — приводит меня в ужас. Самые новейшие смертоносные орудия и взрывчатые вещества впервые вводятся в употребление... Дипломаты должны сохранить мир».

Жюль Верн умер семидесяти семи лет, 24 марта 1905 г.

В архиве писателя осталось десять неопубликованных книг, которые выходили из печати до конца 1910 г. — по одной книге в каждое полугодие, как это делалось на протяжении сорока двух лет.

Такова была его предсмертная воля.

За свою долгую жизнь, кроме 65 романов, изданных Этцелем в 93 томах, Жюль Верн написал еще 20 повестей и рассказов, 19 пьес и 10 научно-популярных книг по географии и истории географических открытий.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

За четыре с лишним десятилетия, пока создавались «Необыкновенные путешествия», мысль Жюля Верна проделала большой и сложный путь вместе с передовой наукой его времени.

Если в первом романе Жюля Верна герои совершают полет над бескрайними просторами Африки на воздушном шаре, то в его последнем романе уже появляются аэропланы с реактивным двигателем, приводимые в действие силой расширения жидкого воздуха в момент его превращения в газообразное состояние, а также снаряды, управляемые по радио («Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»).

Если в начале, да и на всем последующем протяжении своего творческого пути, писатель неустанно пропагандировал десятки различных способов применения электрической энергии, то в одном из его поздних фантастических романов (тогда уже было открыто явление радиоактивности) речь идет о машине, концентрирующей колоссальную энергию мельчайших частиц материи, заряженных электричеством и движущихся в пространстве с космической скоростью («В погоне за метеором»).

В те годы, когда подводные лодки были еще крайне несовершенными и почти не имели практического применения, воображением Жюля Верна был создан электрический подводный корабль «Наутилус», на котором отважный капитан Немо совершал свои далекие путешествия под волнами океана («Двадцать тысяч лье под водой»).

В то время, когда уже существовали модели вертолетов Г. Понтона д'Амекура и Г. Лаланделя, когда уже был построен самолет А. Ф. Можайского, но еще не прекратились споры о том, какой принцип окончательно восторжествует — воздухоплавание или авиация («легче воздуха» или «тяжелее воздуха»), — смелый изобретатель Робур, созданный фантазией Жюля Верна, отправился в кругосветное воздушное путешествие на своем гигант-

ском геликоптере «Альбатросе» («Робур-завоеватель»), а спустя еще восемнадцать лет — уже в начале XX в. — тем же самым Робуром была сооружена универсальная машина-вездеход, совмещающая свойства самолета, автомобиля, катера и подводной лодки («Властелин мира»).

Герои Жюль Верна воздвигают новые прекрасные города, орошают бесплодные пустыни, ускоряют рост растений с помощью аппаратов искусственного климата и коренных улучшений методов обработки почвы, мечтают о практическом использовании внутреннего тепла земли, энергии солнца, ветра и морского прибоя, о возможности накопления энергетических запасов в особых аккумуляторах, высказывают предположение о некоей единой природе химических элементов и возможности превращения одного элемента в другой, изыскивают способы продления человеческой жизни и замены сработавшихся органов тела новыми, изобретают фото-телефон, цветную фотографию, звуковое кино, автоматическую счетную машину, синтетические пищевые продукты, новые строительные материалы, одежду из стеклянного волокна и немало других замечательных вещей, облегчающих жизнь и труд человека и помогающих ему преобразовывать мир.

Литературное новаторство Жюль Верна выявилось, прежде всего, в том, что поэтическая фантазия у него подружилась с наукой и впервые стала ее неразлучной спутницей. Фантазия, возросшая на научной почве, открывала перед читателями заманчивые дали, вдохновляла на великие дела. Многие ученые вспоминали, что романы Жюль Верна, прочитанные в юности, помогли им выбрать жизненный путь и стимулировали работу мысли в нужном направлении.

«Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Жюль Верном, — сообщает знаменитый деятель русской науки К. Э. Циолковский. — Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желанием возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не привела, если бы не встретила помощь со стороны науки». ¹

На ту же тему имеется высказывание нашего замечательного геолога и географа академика В. А. Обручева:

¹ К. Э. Циолковский. Труды по ракетной технике, М., Оборонгиз, 1947, стр. 103.

«В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна, которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран». ¹

Аналогичные признания можно найти у известных ученых, изобретателей и путешественников зарубежных стран. Так, например, французский академик Жорж Клод, создавший установку для использования термической энергии моря, заявил, что мысль об этом проекте ему внушили слова капитана Немо о возможности получения электрического тока при помощи проводников, погруженных на разные глубины моря («Двадцать тысяч лье под водой», ч. I, гл. 12). Бразильский авиатор Альберто Сантос-Дюмон в книге «Мои воздушные корабли» пишет, что многим был обязан в своей деятельности любимому писателю Жюлю Верну. Американский конструктор подводных лодок Симон Лейк писал в «Автобиографии», что Жюль Верн определил направление его жизни и деятельности. О вдохновляющем воздействии Жюля Верна говорили также путешественники Фритьоф Нансен, Свен Гедин, Жан Шарко, Ричард Бэрд и др.

Однако на основании всех этих лестных оценок научной фантазии Жюля Верна было бы неправильно считать его «изобретателем без мастерской», или каким-то новым «пророком», наделенным непостижимым даром предвидения. Научно-техническая фантазия Жюля Верна, какой бы необыкновенной она ни казалась его современникам, не превосходит возможностей человеческого разума и, следовательно, возможностей ее осуществления. Жюль Верн ставил в своих романах проблемы, подсказанные жизнью, но при этом никогда не стремился — да это было бы и невозможно — намечать конкретные пути и методы научных исследований.

Жюль Верн изображал желаемое как уже осуществленное. Открытия и изобретения, которые в его время еще не вышли из стадии лабораторного эксперимента или едва только намечались в отдаленной перспективе, он рисовал как уже существующие и действующие, сознательно отвлекаясь от тех препятствий и трудностей, с ко-

¹ В. А. Обручев. Несколько замечаний о научно-фантастической литературе. «Детская литература», 1939, № 7, стр. 39—40.

торами неизбежно должны были бы столкнуться его герои в процессе работы.

Жюль Верн обычно был прав в общей концепции, но далеко не всегда в избрании метода осуществления проекта и неизбежно допускал ошибки, когда переходил к детальным описаниям. Известно, например, что аппарат, установленный для нагрева газа на аэростате «Виктория», лишил бы его подъемной силы. Знал ли об этом Жюль Верн? Разумеется, знал, но ему важнее было в данном случае высказать идею конструкции воздушного шара, обладающего способностью подниматься и опускаться на нужную высоту без сбрасывания балласта. Позднее эта идея была осуществлена, но путь ее осуществления оказался иным.

Специалисты упрекали Жюля Верна в том, что способность «Наутилуса» погружаться на огромную глубину без риска быть раздавленным колоссальной тяжестью водяного столба так же фантастична, как и способность гальванических элементов давать подводному кораблю энергию огромной мощности. Неужели Жюль Верн был до такой степени несведущ, чтобы этого не знать? Нет, универсально образованного писателя нельзя заподозрить в невежестве. Здесь, и в других случаях, он сознательно допускает невероятное. Если бы этих преувеличений не было, не было бы и лучших романов Жюля Верна, в основе своей всегда правдоподобных.

Трудно заподозрить писателя и в том, что он действительно мог верить в возможность путешествия «к центру земли», межпланетного перелета в пушечном ядре или, тем более, — на куске земной поверхности, оторвавшемся при столкновении с кометой («Гектор Сервадак»). Невозможное путешествие к центру земли используется автором как своеобразный литературный прием для поэтического воссоздания воображаемой картины далекого геологического прошлого нашей планеты. В романах «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» писатель задался целью воплотить — и воплотить по-новому — свою мечту о межпланетных сообщениях. В «Гекторе Сервадаке» Жюль Верн хотел сообщить читателям в непринужденно-занимательной форме приключенческого романа множество астрономических сведений и вместе с тем высказать свои социальные идеи (сатирические образы англичан-колонизаторов и жадного ростовщика, трудовая община

«межпланетных робинзонов» и т. п.). Во всех этих произведениях Жюль Верн блестяще разрешает свою главную задачу — создает увлекательный приключенческий роман, в котором развитие действия связано с определенной научной проблемой или гипотезой, прославляет науку и ее беспредельные возможности, будит у читателей живую пытлившую мысль, а также намечает в самом общем виде ту или иную научную или научно-техническую идею.

Подобные же примеры можно извлечь и из других его романов. Поэтому неправы критики, упрекающие писателя за допущенные им фактические ошибки и неточности, забывая о том, что он был прежде всего романистом, а не ученым-исследователем и писал не научные трактаты, а научно-фантастические романы. Следует учитывать также, что многие ошибки Жюль Верна, кроме тех, что были им допущены сознательно ради свободного развития научно-фантастического сюжета, отражают состояние научно-технических знаний его времени, намного превзойденных наукой наших дней. Поучительна не только смелость мысли этого замечательного писателя, но даже его ошибки и просчеты, которые помогают понять, как далеко наука шагнула вперед за несколько десятилетий, отделяющих нас от того времени, когда в нетерпеливые руки читателей попадали новые тома «Необыкновенных путешествий», в превосходных этцелевских изданиях, украшенных иллюстрациями лучших французских художников.

Жюль Верна никогда не оставляла уверенность, что даже самые смелые его фантазии, рано или поздно, воплотятся в жизнь. В 1902 г. на предложенный ему посетителем вопрос, что он думает о науке будущего, писатель ответил: «Я не сомневаюсь в том, что науке суждено открыть людям много удивительного и чудесного. Скажу даже больше: я убежден, что открытия науки совершенно изменяют условия жизни на земле и многие из этих чудесных открытий будут сделаны на глазах нынешнего поколения. Ведь, собственно говоря, наши знания о силах природы, в особенности об электричестве, находятся еще в зачаточном состоянии. В будущем, когда мы вырвем у природы еще много ее тайн, все чудеса, которые описывают романисты, покажутся простыми и неинтересными в сравнении с еще более редкими и удиви-

тельными явлениями действительности, свидетелями которых, повторяю, можете быть и вы».

В многообразном творческом наследии Жюль Верна научно-фантастический роман — главный, но далеко не единственный и не преобладающий вид романа. Самое заглавие серии — «Необыкновенные путешествия» — говорит о том, какое большое место занимает в его творчестве география. Герои Жюль Верна всегда находятся в пути, перед читателем всегда разворачивается пестрая географическая панорама. Каждый из романов — будь то роман на современную или историческую тему, с научно-фантастическим, социально-утопическим или даже детективным сюжетом — всегда, в большей или меньшей степени, остается географическим приключенческим романом.

Бесполезно искать какие-то существенные жанровые различия между научно-фантастическими и географическими романами. В таких классических образцах научной фантастики, как «Двадцать тысяч лье под водой» или «Робур-завоеватель», фабула строится на описании кругосветного путешествия главного героя и его невольных спутников. Вместе с тем научная фантазия расправляет свои крылья и во многих географических романах. Капитан Гаттерас достигает Северного полюса в то время, когда ни один исследователь Арктики не поднимался выше 82° с. ш. («Путешествия и приключения капитана Гаттераса», 1864). Эрик Герсебом, герой романа «Найденный с погибшей «Цинтии» (1885), совершает за одну навигацию кругосветное плавание в арктических водах России и Америки, успешно пройдя неосвоенными в то время Северо-Восточным и Северо-Западным морскими проходами.

Жюль Верн использует в своих романах и доводит до высокой степени совершенства художественные приемы приключенческого повествования. Заставляя читателей с напряженным вниманием следить за развитием увлекательной приключенческой фабулы, автор незаметно подчиняет ее своим научно-популяризаторским целям, по ходу действия насыщая повествование всевозможными познавательными сведениями, которые органически врастают в самую ткань сюжета и при этом нисколько не нарушают его целостности и художественных достоинств.

«Необыкновенные путешествия» в своей совокупности

представляют универсальный географический очерк земного шара — единственную в своем роде географическую эпопею, какой никогда прежде не было в художественной литературе.

Герои Жюль Верна побывали на всех материках и океанах, они проникали в такие заповедные края, которые тогда были еще обозначены на географических картах белыми пятнами. Они путешествовали по земле, по воздуху, по воде, под водой, взбирались на снежные вершины, опускались в кратеры вулканов, устремлялись в космическое пространство. Место действия в «Необыкновенных путешествиях» — планета Земля, и не только Земля, но и Вселенная.

Герои Жюль Верна вписывают яркие страницы в историю географических открытий, пополняя труды действительно существовавших предшественников новыми фактами, наблюдениями и выводами. Автор вносит имена своих героев в почетный список первооткрывателей новых земель и исследователей морских просторов.

ОБРАЗ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ

Новому типу романа, введенному в литературу Жюлем Верном, соответствовал также и новый герой: пытливый исследователь, инженер, путешественник, изобретатель, ученый, готовый ради достижения почти невозможной цели совершить любой подвиг, пойти на любую жертву. Его стремления определяются не узко-эгоистическими расчетами, как у большинства героев буржуазной литературы, а интересами куда более широкими и общественно-значимыми. Мужественные, благородные, свободолюбивые герои Жюль Верна не знают корысти и лицемерия. Их высокие моральные качества раскрываются в действиях, утверждающих отвагу дерзаний, непримиримость в борьбе.

Часто у Жюль Верна повторяются типовые характеристики и отдельные сюжетные положения. Но даже при наличии явного сходства родственных персонажей каждому из них присущи индивидуальные особенности, своеобразные черты характера.

Во многих романах встречается образ чудака-ученого, самоотверженного фанатика науки, неприспособленного к практической жизни и вследствие этого часто попадаю-

щего в смешные и нелепые положения. И доктор Клоубонни («Капитан Гаттерас»), и Жак Паганель («Дети капитана Гранта»), и кузен Бенедикт («Пятнадцатилетний капитан»), и Зефирен Ксирдаль («В погоне за метеором») и многие другие персонажи, варьирующие этот образ, — и похожи и не похожи друг на друга. Каждый из них обрисован настолько ярко, что запоминается на всю жизнь. Смешной и рассеянный энтомолог Бенедикт вовсе не является копией тоже смешного и тоже рассеянного географа Паганеля, наделенного, к тому же, замечательным благородством, великодушием и другими привлекательными качествами. Но зато все эти чудачки-ученые одинаково успешно выступают в роли своеобразной «ходячей энциклопедии», перемежая рассуждения на научные темы остроумными шутками и забавными выходками.

Жизнерадостный юмор вообще является одним из самых привлекательных свойств творческой манеры Жюль Верна. Атмосферу здорового веселья, непринужденного комизма обычно вносят в его романы образы слуг, которым отводится не служебная, а первостепенная роль в развитии действия (Паспарту, Консель, Джо и др.). Отношения между хозяином и слугой основаны на взаимном уважении и доверии. Слуга здесь фактически уже не слуга, а верный друг и незаменимый помощник ученого или путешественника, в равной степени заинтересованный в успехе его предприятия.

Мир «Необыкновенных путешествий» населен множеством людей разных профессий, национальностей, убеждений, привычек, вкусов. В толпе действующих лиц, рядом с героями высокого романтического плана, такими, как Немо, Гаттерас, Робур, выделяются образы отважных, волевых женщин, с одинаковой готовностью идущих на подвиг и на самопожертвование (героини романов «Страна мехов», «Миссис Браникан», «Михаил Строгов» и др.). Смелым и мужественным характером, который проявляется в борьбе с суровыми испытаниями, наделены и юные герои: Роберт Грант, Дик Сэнд, Харберт Браун, Эрик Герсебом и др. Нравственной доблестью и чувством человеческого достоинства отличаются также многие персонажи — представители народов колониальных и зависимых стран (индеец Талькав, негр Геркулес, эскимоска Калюмах, бушмен Мокум, ин-

дианка Ауда и др.). Уже самым выбором таких персонажей Жюль Верн демонстрирует свою враждебность национальной и, тем более, расовой ограниченности.

Жюль Верн писал в период начавшегося перехода капитализма в последнюю — империалистическую стадию, в период ожесточенной борьбы капиталистических государств за рынки сбыта и сферы влияния, в период кровавых колониальных войн и первых революционных выступлений пролетариата. Капиталистические противоречия между Англией и Францией, между Францией и Германией постоянно привлекали внимание Жюля Верна.

События франко-прусской войны 1870—1871 гг., окончившейся отторжением от Франции Эльзаса и Лотарингии, показали писателю, что германский империализм принесет народам новые ужасные войны и неисчислимые бедствия, если не обуздать раз и навсегда захватнического рвения германских промышленников и финансистов. Республиканец и демократ «поколения сорок восьмого года» не мог обойти молчанием самые жгучие проблемы своего времени.

Увлекательный художественный вымысел тесно переплетается в его романах с реалистическим изображением бедственной жизни, вымирания и физического истребления поработанных народов колониальных и зависимых стран, ужасов работорговли, невольничества негров в Америке. Во многих произведениях Жюль Верн с возмущением описывает зверства европейских, особенно британских, колонизаторов, творящих свои черные дела под маской миссионерства и «культуртрегерства». Эта тема звучит во многих романах, непрерывно обогащаясь новыми потрясающими фактами («Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан», «Жангада», «Пловучий остров» и др.).

Симпатии писателя неизменно на стороне поработанных народов, борющихся за свое освобождение. Эта тема определяет основное содержание цикла исторических романов, герои которых являются активными участниками национально-освободительных движений («Архипелаг в огне», «Север против Юга», «Семья без имени», «Дунайский лоцман» и др.).

Следует заметить, однако, что Жюль Верн обычно уклоняется от раскрытия истинного положения дел во французских колониях, и это значительно снижает реалисти-

ческую и познавательную ценность некоторых его романов (например, «Кловис Дардентор», «Вторжение моря»).

Положительные герои «Необыкновенных путешествий» не только выражают, но и воплощают в практических действиях гуманистические и демократические идеалы писателя. Пожалуй, ярче всего это проявляется в знаменитой трилогии — «Дети капитана Гранта» (1868), «Двадцать тысяч лье под водой» (1870), «Таинственный остров» (1875).

Сюжет первого романа определяется поисками Гранта. Разные истолкования испорченного документа заставляют Эдуарда Гленарвана и его спутников проделать кругосветное путешествие вдоль 37-й параллели. Но кто такой капитан Грант? Мужественный шотландский патриот, не пожелавший примириться с тем, что его родина окончательно утратила независимость. Он решил основать колонию шотландских политических эмигрантов на одном из островов Тихого океана, но кораблекрушение помешало ему осуществить этот план. Гленарван — политический единомышленник Гранта — снаряжает экспедицию вопреки желанию Адмиралтейства, которое наотрез отказало в помощи шотландскому патриоту. Таким образом, одно из самых увлекательных «Необыкновенных путешествий» мотивируется свободолобивыми стремлениями героев.

Национально-освободительные идеи еще сильнее звучат в романе «Двадцать тысяч лье под водой». В образе капитана Немо, который одновременно является и замечательным ученым и борцом за свободу, мы видим наиболее полное выражение прогрессивной направленности творчества Жюль Верна. Загадочный Немо, как выясняется в дальнейшем, — индеец Даккар, посвятивший свою жизнь борьбе за освобождение родины, поработанной и поруганной британскими колонизаторами. Его «Наутилус» — и подводная лаборатория и грозное орудие боя. К услугам Немо богатая библиотека и уникальный музей. Здесь все приспособлено для серьезных научных занятий. Но капитан Немо не может найти успокоения в глубинах моря, когда на земле творится столько зла. Об этом постоянно напоминают ему портреты героев и мучеников борьбы за свободу, глядящих на него со стен каюты.

Пустив ко дну английский военный корабль, капитан

Немо говорит возмущенному Аронаксу: «Справедливость и право на моей стороне... Я угнетенный, а вот — угнетатель! Это из-за него я потерял все, что любил, все, что мне было дорого и свято, — родину, жену, детей, отца, мать — все! Все, что я ненавижу, — здесь, на этом корабле! Молчите же!»

Владыка морских бездн, капитан Немо обладает несметными богатствами. Но ему самому никакие богатства не нужны. Сокровища, найденные на погибших кораблях, жемчуг, искусственно выращенный или собранный на дне океана, он отдает восставшим грекам и своим соотечественникам — индийцам, стремящимся сбросить цепи рабства.

Слова капитана Немо — «До последнего вздоха я буду на стороне всех угнетенных, и каждый угнетенный был, есть и будет мне братом» — могут повторить и другие герои Жюль Верна.

В «Таинственном острове» автор выражает в форме аллегорической утопии свои положительные социальные идеи. Четверо мужчин и один мальчик попадают на необитаемый остров в Тихом океане. Кто они, герои этого романа? Участники гражданской войны в США, военнопленные южан-сепаратистов, вырвавшиеся из Ричмонда на аэроплане.

Робинзоны XIX в. инженер Сайрес Смит и его друзья вынуждены проделать как бы заново весь путь, пройденный человечеством: начав с добывания огня, изготовления лука и стрел, примитивных орудий труда и домашней утвари, потом уже, с помощью первобытных инструментов, они создают более сложное оборудование и приступают к большим работам. В отличие от своего предшественника Робинзона Крузо, герои «Таинственного острова» не ограничиваются охотой, земледелием и скотоводством. Они строят мосты, проводят каналы, воздвигают плотины, осушают болота, добывают полезные ископаемые, плавят металлы, производят химические продукты, сооружают машины, устанавливают электрический телеграф, занимаются научными изысканиями. Сайрес Смит создает на необитаемом острове настоящий химический завод, где изготавливаются кислоты и щелочи, глицерин, стеарин, мыло и другие химикаты.

Свободный труд свободных людей, живущих на свободной земле, творит чудеса. Здесь каждый трудится для

себя и одновременно на благо всего коллектива. Плоды совместного труда являются общим достоянием. Для каждого в отдельности и для всех вместе созидательный труд становится первой жизненной потребностью. Здесь не существует ни денег, ни частной собственности, ни присвоения чужого труда. Здесь все за одного, один за всех.

Боцман Айртон, высаженный Гленарваном на необитаемый остров за совершенные преступления, через несколько лет становится дикарем. «Горе тому, кто одинок, друзья! — восклицает Сайрес Смит. — Повидимому, одиночество быстро погубило рассудок этого человека, раз мы нашли его в таком жалком состоянии».

Но стоило только Айртону попасть в коллектив свободных тружеников, как к нему снова вернулся разум. Дикарь стал человеком, закоренелый преступник — честным работником.

Капитан Немо, таинственный покровитель колонистов, с восхищением следивший за их деятельностью, осуждает себя за индивидуализм и отрешенность от мира. В предсмертной исповеди он говорит Сайресу Смиту: «Уединение — одиночество — вещь тяжелая, превышающая человеческие силы. Я умираю потому, что думал, что можно жить в одиночестве».

Будущее принадлежит таким людям, как Сайрес Смит и его товарищи. Созидательный труд должен быть не только обязанностью, но и потребностью человека. Люди сильны только в коллективе. Тот, кто хочет жить и бороться в одиночку, обречен на гибель. К таким выводам приводит читателей Жюль Верн.

Легко заметить, что трудовая община, можно даже сказать — коммуна, изображенная в «Таинственном острове», — не что иное, как более или менее последовательное воплощение идей, которые пропагандировали разные представители домарксовского утопического социализма.

Во времена Жюль Верна было известно не мало попыток организации в разных частях света икарийских¹ трудовых общин, но все эти попытки неизбежно кончались неудачей. Не случайно трудовые общины существуют в романах Жюль Верна только на необитаемых

¹ От «Икарии» — утопического романа Этьена Кабе.

островах или даже... в межпланетном пространстве («Гектор Сервадак»).

В духе идей Сен-Симона, Фурье и Кабе Жюль Верн делает попытку нарисовать также государство будущего в романе «Пятьсот миллионов бегумы» (1879). Гуманист и филантроп Саразен строит свободный город Франсвилль на миллионы, полученные в наследство от индийской княгини (бегумы). В этом прекрасном городе все радуется глаз человека, помогает ему трудиться и отдыхать. Высшие завоевания научно-технической мысли находят применение и в работе и в быту. В воспитании молодого поколения свободных и счастливых граждан здесь руководствуются «мудрыми принципами высокой моральной, умственной и физической культуры». Все граждане пользуются равными правами на труд, на отдых и на участие в общественной жизни. Ворота Франсвиля широко открыты для политических эмигрантов — свободомыслящих людей, преследуемых у себя на родине реакционными правительствами.

По соседству с Франсвилем на территории штата Орегон вырастает город ужасов и смерти Штальштадт, построенный человеконенавистником, шовинистом Шульце, которому удалось отсудить у Саразена половину наследства индийской княгини. На военных заводах в Штальштадте производятся пушки чудовищно-разрушительной силы, снаряды, начиненные ядовитыми газами, и другие орудия массового уничтожения, предназначенные для «низших рас».

«Вот мы уже устроились в самом сердце Америки! — восклицает Шульце. — Дайте нам остров или два недалеко от Японии, и вы увидите, как мы зашагаем по всему свету!»

Злодейские замыслы Шульце — сначала уничтожить Франсвилль, а потом приступить к завоеванию мирового господства — во-время разгаданы другом Саразена, молодым инженером Марселем Брукманом. Роман завершается аллегорической картиной бесславной гибели Шульце и превращением его зловещего Штальштадта в крепость для обороны Франсвиля. Идеи гуманизма и демократии, таким образом, торжествуют победу. В развязке романа полностью проявился социальный оптимизм Жюль Верна, его непоколебимая вера в грядущее торжество демократических сил.

Но каким путем мыслил Жюль Верн переход от дурного настоящего к светлому будущему, воплощенному в образе чудесного Франсвиля, города-мечты?

Надежды на лучшее будущее он возлагал главным образом на прогресс науки и техники, который, как ему казалось, изменит со временем «весь политический и гражданский строй нашей жизни». Великий фантаст не понимал того, что наука и техника сами по себе не могут вызвать коренных социальных преобразований. Писатель поет гимны науке, как величайшей и чуть ли не единственной преобразующей силе, верит в ее безграничное могущество, в ее благотворное, облагораживающее влияние на человечество. И в то же время он остро, даже с некоторым трагизмом, ощущает исконную враждебность мира капиталистической конкуренции научному новаторству. Своего героя — изобретателя Жюль Верн обычно рисует окруженным глухой стеной непонимания и враждебности. Гордый, одинокий отшельник, овеванный романтической таинственностью, совершает великое открытие или строит замечательную машину вдали от людей, от общества. Капитан Немо, инженер Робур и другие изобретатели держат свои открытия в секрете, не ставят их на службу обществу, а используют как оружие в борьбе с социальной несправедливостью или как средство, позволяющее им противопоставить себя буржуазному государству и бросить вызов дурным законам. Они оправдывают свой индивидуализм и нежелание раскрыть тайну научного открытия или изобретения преждевременностью его появления.

«Граждане Соединенных Штатов, — заявляет Робур в своей прощальной речи, — я произвел опыт и в то же время пришел к убеждению, что никогда не надо торопиться ни с чем, даже с прогрессом. Всеу свое время, и сама наука не должна слишком опережать средние умы. Все должно следовать постепенно, а не скачками. Всеу свое время. Передать мое изобретение людям еще рано. Человечество еще не созрело для всеобщего братского союза. Я улетаю и уношу свою тайну с собой, но она не будет потеряна для людей. Они узнают ее в тот день, когда окажутся достаточно подготовленными, чтобы ею воспользоваться, и достаточно разумными и нравственными, чтобы не употребить ее во зло» («Робур-завоеватель»).

Таковы наивные утопические идеи Жюль Верна, приверженность которым он сохранил до конца жизни.

Конфликт между творческой личностью и общественной средой часто получает в его романах трагическое разрешение: погибает либо герой, либо изобретение. В дальнейшем, когда антагонистические противоречия капиталистического общества еще более усилились, утопическая мечта Жюль Верна о счастливом будущем человечества, к которому его должен привести научный и технический прогресс, отодвинулась в еще более неясную, туманную даль, и в творчестве писателя появились новые мотивы.

ПОЗДНИЕ РОМАНЫ

В конце XIX в. в творчестве писателя намечается известная эволюция, но не угасание и упадок, которые обычно усматривают его буржуазные биографы, сознательно игнорирующие обличительную направленность поздних романов, а редкий в старческие годы духовный и творческий подъем.

В поздних произведениях Жюль Верна заметно нарастает политическая и социальная острота. Мысль писателя делается более зрелой и глубокой. Он становится еще более нетерпимым к злу, что приносит народам мира господство империализма. Свойственная ему добродушная усмешка нередко переходит в горькую иронию, беззлобный юмор — в гротеск и сатиру. В некоторых романах преобладает мрачная трагическая атмосфера. Писатель уже окончательно разуверился в возможности мирного прогресса в существующих условиях, а методы революционной борьбы оставались для него чуждыми.

Попрежнему воспевая науку и научный прогресс, Жюль Верн стремится теперь показать, что важна не только наука сама по себе: не менее важно, в чьих руках она находится и каким целям она служит. Только наука, служащая чистым, благим намерениям, имеет право на существование. Злодеи и деспоты, использующие великие силы науки ради своего обогащения и укрепления диктаторской власти, неизбежно обрекают себя на гибель. Эту мысль писатель постоянно проводит в своих поздних романах («Равнение на знамя», «Тайна Вильгельма Шторрица», «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» и др.).

С середины восьмидесятых годов в творчестве Жюль Верна все более усиливается резко-критическое отношение к новым политическим веяниям — к обострившейся борьбе «великих держав» за сферы влияния и передел мира, к агрессивным действиям американских капиталистов. Как известно, наступление США на американский континент и острова Тихого океана сопровождалось цепью военных авантур, неслыханными спекуляциями и грандиозными мошенничествами, в которых нередко оказывались замешанными даже члены правительства. В поздних произведениях писатель особенно часто высмеивает захватнические устремления и шовинизм янки, американскую «деловую практику» с ее невероятными аферами, очковтирательством, рекламной шумихой, беззастенчивым стяжательством; плачевные последствия уродливой концентрации капитала, соперничество между долларом и фунтом стерлингов и т. п. При этом сатирическая фантазия нередко воплощается в форме прозрачной аллегории с далеко идущими иносказательными обобщениями.

Америка с ее богатейшими природными ресурсами и трудолюбивым, энергичным народом представлялась писателю страной неограниченных возможностей и больших перспектив. Американцами являются положительные герои таких романов, как «С Земли на Луну», «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан». Большинство положительных героев — американцев — участники аболиционистского движения¹ и войны против рабства негров.

В романах «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1870) автор восхищается энергией, деловитостью, «техническим гением» своих героев янки. Барбикен и его друзья не задумываясь рискуют жизнью ради смелого научного опыта и не помышляют при этом ни о какой материальной выгоде.

В романе «Вверх дном» (1889) те же герои превращают науку из средства познания мира в орудие наживы. Члены балтиморского «Пушечного клуба», как истые янки, не могли остаться в стороне и не быть затронутыми

¹ А б о л и ц и о н и з м — общественно-политическое движение в США за отмену рабства.

колоссальными сдвигами, происшедшими в стране за четверть века после окончания гражданской войны.

Курьезная история продажи с торгов Северного полюса и организации Барбикеном промышленной компании для разработки его природных богатств дает писателю благодарный материал для воплощения сатирического замысла. В основу сюжета положена заведомо несбыточная астрономическая гипотеза: что произошло бы на нашей планете, если бы удалось «выпрямить» земную ось. Математик Масто́н предлагает это осуществить с помощью отдачи от выстрела чудовищной пушки и производит все необходимые вычисления. Когда земная ось будет «выпрямлена», арктические льды растают от солнечных лучей и каменноугольные залежи в районе Северного полюса станут доступными для разработки.¹ Новый пушечный выстрел Барбикена вызовет всемирную катастрофу: моря и океаны выльются из берегов и затопят целые материки, с лица Земли исчезнут многие государства и страны, в пучине вод погибнут целые народы, но зато будет процветать американская компания, вложившая доллары в это доходное предприятие.

Автор допускает преувеличения лишь постольку, поскольку заведомо нелепа сама предпосылка замысла Барбикена и К^о, неосуществившегося по независящим от них причинам: Масто́н, по рассеянности, принял длину окружности земного шара в 40 000 метров вместо 40 000 километров. В итоге ошибка выросла до двенадцати нулей. Для «выпрямления» земной оси понадобилась бы сила, практически недостижимая, — в триллион раз превосходящая ту, которой располагали Барбикен и К^о. Но писатель нисколько не отклоняется от истины в своем сатирическом изображении бесчестных методов наживы, во имя которой американская компания готова была поставить под угрозу судьбы и благополучие всего человечества.

В современной исторической обстановке сатира Жюль Верна приобретает особую политическую остроту. В наши дни роман «Вверх дном» звучит как злободневный политический памфлет.

¹ Когда Жюль Верн писал этот роман, было еще неизвестно, что Северный полюс, находится не на материке.

В другом сатирическом романе — «Пловучий остров» (1895) — действие происходит в то время, когда «Соединенные Штаты Америки удвоили количество звезд на своем государственном флаге», захватив все земли континента, от полярных островов Канадского доминиона до Панамского канала.¹

Американские миллиардеры сооружают чудо техники — пловучий электроходный остров-курорт, с лугами и парками на искусственной почве, с искусственной речкой Серпентайн, с великолепным городом Миллиард-Сити. К услугам богачей все блага цивилизации и комфорта: искусственный климат, движущиеся тротуары, электрические автомобили, круговая железная дорога, роскошные особняки, шедевры искусства, вывезенные из Европы, «газеты, напечатанные на съедобной бумаге шоколадной краской, дающие пищу не только уму, но и желудку», и, разумеется, вышколенная армия наемников, прельщенных высоким жалованьем. «Обитатели этой «Жемчужины Тихого океана», — сообщает автор, — владеют доброй половиной золота, находящегося в обращении во всем мире. Миллион здесь — разменная монета».

Удалившись от дел, миллиардеры мечтают праздно и беспечно коротать свои дни на этом блаженном острове. Но торгашеские инстинкты и диктаторские замашки обитателей Миллиард-Сити вносят на остров атмосферу вражды и соперничества. Борьба за власть двух главных магнатов — нефтяного короля Джема Танкердона и банкира Нэта Коверли — делит население острова на две враждующие партии. Могучие моторы, пущенные в разные стороны, разрывают остров на части, и он превращается в жалкие обломки. Потерпевших крушение подстерегают бури и грозы, муки голода и жажды. «Как знать, — восклицает автор, — может быть, близок день, когда даже за миллион долларов им не купить фунта мяса или фунта хлеба!»

Серьезные общественные проблемы намечены в форме прозрачной аллегории и в некоторых романах, увидевших свет уже после смерти Жюль Верна. Пагубная власть золота служит главной темой фантастического романа

¹ Строительство Панамского канала закончилось в 1914 г., спустя почти двадцать лет после опубликования «Пловучего острова». Здесь, как и в других случаях, Жюль Верн переносит действие на несколько десятилетий вперед.

«В погоне за метеором». Вырождение буржуазной демократии, враждебность народу буржуазного государства и его законов с настоящей политической остротой раскрывается в романе «Потерпевшие крушение на «Джонатане». «Величие» и гибель диктатора фашистского типа — такова главная тема последнего из посмертно изданных романов «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака». Это малоизвестное произведение в первую очередь заслуживает внимания.

Преступник и негодяй Киллер¹ скрывается от властей в делях французской Западной Африки. Заманив к себе обманным путем гениального простодушного изобретателя Камаре, он сооружает с его помощью усовершенствованный по последнему слову техники бастион смерти — город Блекланд², где находят убежище и благоденствуют отпетые преступники и авантюристы из разных стран. Рабочих, вывезенных из Европы, и негров, согнанных на строительство и для обработки плантаций, Киллер превращает в своих рабов. Похищенные Киллером члены научной экспедиции Барсака проникают на завод Камаре, который сам является пленником Киллера и даже не подозревает, как используются его изобретения. Вместе с Камаре беглецы направляют на Блекланд смертоносные орудия, служившие до этого диктатору, и поднимают восстание рабов. Блекланд уничтожен. Киллер и его приспешники погибают...

На рубеже двух столетий, когда Жюль Верн еще не сказал своего последнего слова, великие державы стали лихорадочно готовиться к мировой войне. Старый писатель с тревогой наблюдал за тем, как созидательные силы науки обращались против культуры и прогресса. И все же он не переставал верить в лучшее будущее человечества, не переставал надеяться, что прогрессивные силы в союзе с передовой наукой рано или поздно восторжествуют во всем мире и навсегда покончат с деспотизмом и кровавыми войнами.

Ведь не случайно в его романах человеконенавистники и злодеи, использующие великие открытия и изобретения в своекорыстных, враждебных народу целях, навлекают на себя неминуемую гибель! И не случайно перестают

¹ Киллер — убийца (англ.).

² Блекланд — черная страна, черный город (англ.).

существовать и чудовищный Штальштадт, и зловещий Блекланд, и роскошный Миллиард-Сити — город, куда допускались только миллионеры!

Творчество Жюль Верна, при всем его своеобразии, было прочно связано с национальными литературными традициями. Особенно близки ему были по духу французские просветители XVIII в.; у них он воспринял не только пафос естественнонаучной пропаганды, но отчасти и художественный метод — искусство выражать прогрессивные общественные идеи в иносказательной форме «философского романа».

Известное воздействие на творческое формирование писателя оказали его старшие современники — Виктор Гюго и Александр Дюма. Жюлю Верну всегда был близок демократический гуманизм Гюго, его ненависть ко всем формам физического и духовного порабощения человека, его любовь к простым людям и вера в творческие силы народа. Жюль Верн почитал Гюго как величайшего французского писателя своего времени и нередко упоминал его имя в своих произведениях. Приключенческие романы Дюма оказали определенное влияние на сюжетную сторону романов Жюль Верна. Дюма привлекал его своим искусством строить увлекательную, полную жизни и движения фабулу. Однако литературные влияния никогда не играли в творчестве Жюль Верна решающей роли. Учась у своих предшественников, автор «Необыкновенных путешествий» шел своим собственным, непроторенным путем.

Прогрессивные социальные и политические мотивы неотделимы в его романах от их естественнонаучной тематики. Жюль Верн — поэт науки — неразрывно связан с Жюлем Верном — критиком колониальной системы, национального гнета, реакционной военной политики империалистических государств.

О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ И СОСТОЯНИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ ПОСЛЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Огромный успех научно-фантастических и географических романов Жюль Верна стимулировал деятельность многих писателей, подвизавшихся в конце XIX, начале XX вв. в жанре научной, но чаще всего — псевдонаучной фантастики. Если романы Жюль Верна продолжают жить и сегодня, то этого нельзя сказать о книгах подавляющего

большинства писателей, считавшихся при жизни Жюль Верна его последователями и давно уже справедливо забытых.

Во Франции в конце прошлого века выступила довольно большая группа писателей, авторов научно-фантастических романов. Среди них были известны Андре Лори, Жорж Лё-Фор и Анри де Графиньи, братья Рони, Луи Буссенар и др.

Из названных писателей был по-настоящему близок Жюлю Верну Андре Лори. В соавторстве с ним Жюль Верн написал интересный роман «Найденыйш с погибшей «Цинтии» (1885). Андре Лори — псевдоним Пасшала Груссе, видного публициста и активного участника Парижской Коммуны (он возглавлял в правительстве Коммуны комиссию внешних сношений). После возвращения из ссылки Лори подружился с Жюлем Верном и написал под его непосредственным влиянием несколько фантастических романов. В них он стремился, правда — не всегда успешно, следовать методу своего учителя («Изгнанники земли», «Из Нью-Йорка до Бреста за семь часов», «Атлантида» и др.).

На рубеже двух веков издавались научно-фантастические романы и в других странах (Г. Уэллс, Р. Хаггард, А. Конан-Дойл — в Англии; К. Лассвиц, К. Грунерт — в Германии; Э. Сальгари, У. Гриффони — в Италии; Ю. Жулавский в Польше и др.). Однако до уровня лучших научно-фантастических романов Жюль Верна не удалось подняться ни одному буржуазному писателю, ни при его жизни, ни после смерти. Основоположник научной фантастики дал наилучшие образцы и высшие достижения этого жанра в пределах возможностей литературы критического реализма.

После Жюль Верна наибольшим успехом пользовались научно-фантастические романы и рассказы английского писателя Герберта Уэллса. В талантливых произведениях Уэллса фантастика вновь отрывается от научной основы. И научные и общественные идеи Уэллса окрашены социальным пессимизмом. Научную фантастику он использует для раскрытия своих социально-утопических идей. Резкие сатирические обличения кошмарной диктатуры империалистов — самая сильная сторона творчества Уэллса. Но чудовищные противоречия буржуазного общественного строя в его романах о будущем не только не

исчезают, а катастрофически обостряются. Это главная тема его фантастических романов. Антинаучность фантастической идеи Уэллс всякий раз старается заслонить обилием реалистических подробностей. В предисловии к американскому изданию своих сочинений он прямо об этом говорит: «Как только магический фокус проделан, нужно все прочее показать правдоподобным и обыденным. Надеяться нужно не на силу логических доводов, а на иллюзию, создаваемую искусством». Отсюда видно, что творческий метод Уэллса не имеет ничего общего с творческим методом Жюль Верна. Уэллса больше заботит психологическое правдоподобие, чем научное обоснование замысла. Фантастические допущения используются Уэллсом лишь как литературный прием («Машина времени», «кэворит» — вещество неподверженное силе тяготения, «четвертое измерение», где живут «люди, как боги» и т. п.).

Произведения английского писателя — фантастические, но далеко не всякая фантастика, если даже она и связана с представлениями о науке и технике будущего, является научной фантастикой. Однако это не мешает Уэллсу привлекать читателей блестящей выдумкой, ярким литературным талантом, подчеркнуто антиимпериалистической и антифашистской направленностью своих книг.

Дальнейшее развитие научно-фантастической литературы отражает борьбу прогрессивных и реакционных общественных сил в период всеобщего кризиса и распада капиталистической системы.

Обличение паразитического, враждебного народу, общественному и научному прогрессу капиталистического строя, символическое изображение непримиримости фашизма и человеческого начала, предчувствие новых социальных катастроф, за которыми последует окончательное освобождение человечества от гнета мирового капитализма, — таковы важнейшие темы произведений научно-фантастического жанра, созданных за последние десятилетия прогрессивными зарубежными писателями (романы и пьесы чешского писателя-антифашиста К. Чапека, поздние романы Г. Уэллса, пьеса турецкого поэта-коммуниста Н. Хикмета «Череп», роман французской писательницы Э. Триоле «Конь Красный» и др.). Характерная особенность таких произведений, при всем их идейном и художественном многообразии, — подчинение фантастической темы определенному социальному заданию.

Псевдонаучная фантастика — один из самых распространенных жанров новейшей буржуазной литературы. Бульварные фантастические романы, оторванные от жизни и науки, заполняются бредовыми пророчествами о грядущей гибели мировой цивилизации и вырождении человечества, сверхъестественными приключениями героев на всех планетах Солнечной системы и за ее пределами, марсианскими красавицами, «красными» шпионами, элегантными бандитами, сумасшедшими изобретателями, бесконечными погонями, похищениями, преследованиями. Культ грубой силы, скрытая или откровенная пропаганда расизма — вот к чему сводится примитивный «идейный багаж» этой псевдонаучной фантастической беллетристики. После первой мировой войны типичным представителем такого рода «литературы» был американский писатель Э. Р. Берроуз. Его межпланетные романы о Марсе не имеют ничего общего с художественной литературой, точно так же, как и серия его романов о похождениях полудикаря Тарзана.

После второй мировой войны массовая бульварная фантастика, по словам прогрессивного французского критика П. Вилладье, стала таким же предметом американского экспорта, как и «кока-кола». Авторы американских и американизированных фантастических романов на все лады воспевают фашистскую диктатуру и атомную бомбу, описывают грядущие опустошительные войны и космические катастрофы, не исключая даже «пожара в Галактике». Самый распространенный мотив подобных человеконенавистнических книг — превращение всего живого в атомную пыль. Наука в этих макулатурных изделиях пера поставлена на службу войне и разрушению. Невозможно даже перечислить все виды истребительного оружия, которые обращают против человечества фабриканты этого низкопробного чтива. Помимо атомной и водородной бомб, здесь фигурируют лучи, уничтожающие пространство, дезинтегрирующие материю, ультразвуковые волны, убивающие людей, но сохраняющие города, волны, разрушающие клетки, волны, убивающие мужские гормоны, и т. п.

Значительно больший вред приносят фантастические произведения, авторы которых проводят свои пагубные идеи в завуалированной форме, стараясь внушить читателям безотчетный страх и неуверенность в будущем,

изобразить человека игрушкой роковых мистических сил, отвлечь его от реальной жизни и заставить думать о беспольности всяких попыток изменить существующий порядок. Таковы, например, американские серии «страшных» романов и рассказов, где без конца повторяются и варьируются всевозможные ужасы. Здесь и раздвоение личности, и перевоплощение, и переселение душ, и распад памяти, и замена материи «сгустками мыслящей энергии» и прочий мистический вздор.

«Капитализм, вступивший в стадию империализма, — пишет Морис Торез, — пропитывает своими разрушительными ферментами творения разума. Стоит только сравнить современную литературу Соединенных Штатов Америки, проникнутую скукой, пессимизмом, чувством одиночества, тоски, разочарованности героев, подавленных тяжестью своей омраченной совести, своих преступлений и злодеяний, и литературу молодости — советскую литературу, отличающуюся радостью, счастливой уверенностью, братством в отношениях ко всем людям, верой в жизнь!»¹

И действительно, в совершенно иной мир попадаешь, читая научно-художественные и научно-фантастические произведения советских писателей, книги, проникнутые жизнеутверждающими гуманистическими идеями.

Новое социалистическое общество дало простор небывалому прогрессу науки и техники. Наука стала основой жизни советской страны. Стирается противоположность между физическим и умственным трудом. Исчезла пропасть, отделявшая интеллигенцию от народа.

В новых общественных условиях родился новый жанр — научно-художественная литература, которую горячо поддерживал А. М. Горький и обосновывал в своих теоретических статьях ее значение и пути развития.

В замечательной статье «О темах» (1933) Горький наметил обширную, поистине энциклопедическую программу создания научно-художественных книг для детей. Не ограничиваясь перечислением тем, он определил идейные и художественные задачи этого нового жанра, которому придавал исключительно большое значение.

¹ М. Торез. Марксизм и культура. «Советская культура», 5 февраля 1955 г.

«Наша книга о достижениях науки и техники, — писал Горький, — должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода.

Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции». ¹

В нашей литературе, считал Горький, не должно быть различия между художественной и научно-популярной книгой. Научно-познавательная книга должна быть действительной, эмоциональной, художественной. «Только при непосредственном участии подлинных работников науки и литераторов высокой словесной техники мы можем предпринять издание книг, посвященных художественной популяризации научных знаний». ²

Лучшие произведения нашей научно-художественной литературы отвечают этим требованиям Горького. Книги таких писателей, как М. Ильин, К. Паустовский, Н. Михайлов, О. Писаржевский, В. Сафонов, В. Орлов и др., отличаются силой художественного воздействия и боевой материалистической направленностью. Страстными пропагандистами творческих дерзаний в области науки и техники стали такие выдающиеся ученые, как С. Вавилов, В. Обручев, А. Ферсман, И. Ефремов, Д. Щербаков и др.

Все эти писатели передают народу поэзию науки, увлекают души и юных и взрослых читателей романтикой научного творчества. Трудно переоценить просветительную и воспитательную роль советской научно-художественной книги. Она помогает не только усваивать факты, но и пробуждает интерес к исследовательской и изобретательской работе, прививает навыки активного научного мышления, раскрывает диалектику мира и утверждает мысль о его познаваемости.

Произведения советской научно-художественной литературы нашли дорогу к миллионам читателей не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Известно, напри-

¹ М. Горький. О детской литературе. М. — Л., Детгиз, 1952, стр. 111—112.

² Там же, стр. 112.

мер, что талантливые книги М. Ильина выдержали за границей около двухсот изданий. Хотя Ильин не писал научно-фантастических романов, но, учитывая популярность и силу положительного воздействия его книг о преобразовании природы, французские критики называют его «советским Жюлем Верном».

Без учета того, какое значение имеют в нашей литературе научно-художественные книги, было бы невозможно говорить о советской научной фантастике с ее разнообразными исканиями новых жанров и средств художественного выражения.

Достаточно упомянуть в этой связи книгу очерков В. Захарченко «Путешествие в завтра», представляющую собой своеобразное сочетание жанровых особенностей научно-художественной и научно-фантастической литературы. Отталкиваясь от достижений науки и техники наших дней, автор делает интересную попытку показать в очерковой форме завершение таких проблем, которые уже наметились в виде тенденции в современной науке и технике.

Среди лучших образцов научной фантастики, созданных у нас в первые годы советской власти, прежде всего следует назвать популярные романы А. Толстого «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», неизменно привлекающие читателей жизнеутверждающей революционной романтикой и мастерски построенной приключенческой фабулой. Тогда же стали известны талантливые романы В. Обручева «Земля Санникова» и «Плутония». Позже появились и выдержали много изданий романы А. Беляева («Человек-амфибия», «Звезда КЭЦ», «Прыжок в ничто» и др.), а также романы Г. Адамова «Победители недр» и «Тайна двух океанов», С. Беляева «Истребитель 2-Z» и «Приключения Семюэля Пингля», В. Владко «Аргонавты вселенной» и «Потомки скифов» и др. Во время и после Великой Отечественной войны советская научная фантастика обогатилась произведениями таких авторов, как Г. Гуревич, С. Долгушин, И. Ефремов, А. Казанцев, Ф. Кандыба, Л. Лагин, Н. Лукин, В. Немцов, В. Охотников, Л. Платов, А. Подсосов, В. Сапарин и др. К сожалению, в небольшой брошюре невозможно не только дать оценку, но даже перечислить все заслуживающие внимания произведения.

Поиски новых художественных методов в области научной фантастики находят свое отражение в разных взглядах на задачи этого жанра, которых придерживаются советские писатели. Одни, как В. Охотников и В. Немцов, считают, что дело научно-фантастической литературы — пропагандировать вопросы, которые стоят «на грани возможного» и могут быть практически разрешены через несколько лет. Эти писатели обычно ограничиваются тем, что берут сегодняшние достижения науки и показывают их применение в недалеком будущем в самых широких масштабах. Случается и так, что действительные возможности науки опережают воображение писателя и его произведение быстро устаревает.

Иначе подходит к научно-фантастической теме такой ученый и писатель, как И. Ефремов. В своих рассказах и повестях он стремится показать значение и силу гипотезы в научном прогрессе, а также преемственность научных идей и традиций, переходящих эстафетой от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Произведения Ефремова, проникнутые романтической любовью к науке и пробуждающие чувство восхищения перед силой разума, завоевали признание читателей.

Советская научная фантастика, как и вся наша литература, стремится изображать жизнь в ее революционном развитии. Метод социалистического реализма дает возможность писателям без боязни заглядывать в завтрашний день, смело приоткрывать завесу будущего, не рискуя при этом оторваться от жизни и погрузиться в бесплодные мечтания.

Наряду с произведениями о коммунистическом будущем, о ближайших и отдаленных перспективах разных отраслей науки и техники, советские авторы пишут романы о далеком прошлом Земли и давно исчезнувших цивилизациях, привлекая новейшие данные палеонтологии, археологии, географии, истории, восполняя в воображении недостающие звенья в цепи существующих научных исследований. В научно-фантастических романах изображается изыскание новых источников энергии, новых путей преобразования природы, переделка климата Арктики и среднеазиатских пустынь, будущие достижения агробиологии, межпланетные путешествия и другие проблемы, подсказанные реальными успехами и тенденциями развития современной науки. Все большее место в науч-

ной фантастике начинает занимать изображение грандиозных перспектив, которые открывает перед человечеством использование атомной энергии в мирных целях.

Роман был и остается ведущим жанром научно-фантастической литературы. Кроме романов, в нашей литературе имеются научно-фантастические повести, рассказы, очерки, пьесы, стихи, киносценарии.

Жанровое и тематическое многообразие советской научной фантастики свидетельствует о больших возможностях этого вида литературы. Вместе с тем в области научной фантастики наши писатели далеко еще не достигли таких заметных успехов, какие имеются в родственном жанре научно-художественной литературы.

Царская Россия, с ее слабо развитой промышленностью, отсталой техникой и преобладанием аграрных отношений, не могла создать необходимых условий для расцвета отечественной научной фантастики. Более или менее удачные попытки в этом направлении делались только отдельными учеными и писателями (Циолковский, Куприн и др.). Но неверно было бы думать, что у нас нет в этой области своих традиций. Непосредственными предшественниками советских писателей, авторов научно-художественных и научно-фантастических произведений, были, в первую очередь, великие революционные просветители-демократы, мечтавшие о будущей социалистической России, о творческом труде ее свободных граждан, которые построят новые прекрасные города и при помощи «умных машин» преобразуют природу и покорят ее стихийные силы. Замечательные национальные традиции пропаганды естественнонаучных знаний были созданы и великими русскими учеными, начиная от Ломоносова и кончая Тимирязевым.

Положительное значение для советского научно-фантастического романа имеет также использование писателями богатого творческого опыта Жюль Верна, остающегося и поныне непревзойденным мастером этого жанра. Многие у этого писателя устарело и принадлежит прошлому. Но лучшие стороны его художественного мастерства — умение создавать напряженную, полную захватывающего интереса приключенческую фабулу, наделять героев яркими и запоминающимися чертами характера и раскрывать эти характеры в действии, непринужденно и занимательно насыщать повествование познавательными

научными сведениями — эти лучшие стороны творчества Жюль Верна продолжают оставаться примером для наших романистов.

Самый факт существования социалистического строя, успехи советской промышленности, науки и техники создали все необходимые предпосылки для появления научно-фантастического романа нового типа, где и фантазия и наука служат задачам коммунистического воспитания. В романах советских писателей фантазия вновь соединилась с передовой наукой, и в этом смысле научно-фантастический роман вошел в русло прогрессивной жюль-верновской традиции, но, разумеется, на иной идейной основе.

Следуя советам Горького, наши фантасты стараются не ограничиваться изображением удивительной машины или научного открытия в уже готовом, законченном виде, как это часто делал Жюль Верн. Советские авторы стремятся ввести читателей в самый процесс творческой работы ученого, показать судьбу его научной идеи или открытия от зарождения до триумфа. На этом пути, который можно назвать путем наибольшего сопротивления, писателей подстерегают неизбежные трудности. Жюль Верн, как мы видели, сознательно избегал их. Преодоление этих трудностей требует не только художественного таланта, но и солидной научной подготовки, умения дать достаточно серьезное и правдоподобное обоснование научной идеи, положенной в основу произведения и определяющей его внутренний сюжет. Этот творческий принцип уже сам по себе свидетельствует о новаторском характере советской научной фантастики и ее тесной связи с научно-художественной литературой.

Вполне объяснимым недостатком романов Жюль Верна является очевидный разрыв, диспропорция между научно-технической и социально-утопической темами в его романах. Насколько богата и реалистически конкретна первая тема, настолько же слаба и неразвита вторая. Исключения составляют только отдельные романы, в которых научные и технические достижения изображаются наряду с попытками общественных преобразований.

Развитие советской научной фантастики идет другим путем — путем преодоления этой диспропорции. Имеются попытки, правда — еще недостаточно успешные, представить достижения науки и техники будущего в неразрыв-

ной связи с общественными преобразованиями и новыми психологическими и нравственными качествами человека коммунистического будущего. Едва ли не первую попытку в этом направлении сделал В. Маяковский. В поэме «Летающий пролетарий», в пьесах «Клоп» и «Баня» легко увидеть тесное переплетение социальной темы, обращенной к будущему, с технической фантазией. Изображая коммунистическое «далеко», поэт стремился также увидеть новые черты человека будущего. Это дает возможность считать Маяковского одним из зачинателей советской научной фантастики.

Создание образа положительного героя, творца новой, коммунистической техники, — еще нерешенная задача советского научно-фантастического романа.

У Жюль Верна гениальный изобретатель находится в трагическом одиночестве. Окружающие его люди (скажем, команда «Наутилуса» или «Альбатроса») безлики и бесцветны, часто даже не названы по именам. Этим еще больше подчеркивается необычность, оттеняется резкий индивидуализм главного героя. Для Жюль Верна такая романтическая традиция имела свое историческое оправдание. Но для советской литературы она неприемлема.

Вместо героя-индивидуалиста в наших романах действует дружный коллектив тружеников науки, обогащающих Родину своими замечательными открытиями.

Типическое в советской научной фантастике проявляется в исключительных положениях, ставящих героев в необычные условия, при которых они должны полностью раскрыть свои высокие нравственные качества, стойкость, мужество, патриотизм.

Появление в научно-фантастическом романе героя, взятого из нашей действительности, — несомненная заслуга писателей. Но нередко чудесные машины, созданные руками человека, в романах оказываются более яркими и лучше запоминаются, чем их творцы. Таков главный и пока еще непреодоленный недостаток нашей научной фантастики.

Разнообразные творческие искания, ведущиеся у нас в области пропаганды научного и технического прогресса средствами художественного слова, новые жанры и методы, найденные писателями на этом поприще, большие и бесспорные успехи нашей научно-художественной литературы — все это говорит о том, что советская научная

фантастика до сих пор еще переживает период становления и трудности роста. Эти трудности вызваны, прежде всего, сложными новаторскими задачами, далеко еще не решенными писателями, работающими на этом участке литературы. Наши читатели предъявляют к научной фантастике серьезные требования и ждут таких произведений, таких книг о будущем человечества и будущем науки, которыми вправе будет гордиться советская литература.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	4-я сверху	не юному	не начинающему

Заказ 136. Брандис

Ленинградский зоопарк

располагает одной из лучших в Советском Союзе коллекцией животных.

В парке представлено около 250 видов зверей и птиц. Среди экспонатов парка имеются: **слоны, бегемот, носорог**, единственный в нашей стране экземпляр **мускусного овцебыка**, **антилопы, олени, горные козлы и бараны, гигантский муравьед, броненосец, кенгуру, тигры, львы, леопарды, медведи, обезьяны, разнообразные птицы и пресмыкающиеся.**

На базе коллекции животных в зоопарке проводятся учебные и общеобразовательные экскурсии по следующим темам:

1. *Для учащихся 1—2-х классов:*
„Наши первые знакомые в мире животных“
2. *Для учащихся 3—4—5—6-х классов:*
„Животные холодных и жарких стран“
3. *Для учащихся 7-х классов:*
 - а) „Многообразие в классе пресмыкающихся в связи с различными условиями их жизни“
 - б) „Многообразие в классе птиц в связи с различными условиями их жизни“
 - в) „Многообразие в классе млекопитающих в связи с различными условиями их жизни“
4. *Для 8—9-х классов:*
 - а) „Поведение животных в свете учения академика И. П. Павлова“
 - б) „Организм и условия жизни“
 - в) „Основные положения мичуринской биологии“
5. *Для взрослых посетителей:*
„Народнохозяйственное значение диких животных“.